

БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ:

“АКВАРИУМ”

Труд. — 1998. — 5 мая. — с 5

— ЭТО КОШКА В ЗАСАДЕ

Его иногда называют “лучшим российским рок-бардом конца века”, сравнивают с Бобом Диланом. Но это слова, сравнения “хромают”. Ясно, что он — поэт, музыкант, певец. Плюс композитор. Борис Гребенщиков. Довелось с ним познакомиться в Париже, когда там проходили встречи с российскими обладателями премии “Триумф”, лауреатом которой он был назван по итогам прошлого года. От общения с Борисом осталось приятное чувство — не перевелись на Руси еще приличные люди.

— Расскажите, Борис, о вашем последнем альбоме. Как возникла идея? Как и где работали над ним?

— Он назван по имени первой жены Адама — Лилит. Если быть честным, то какой-то объединяющей идеи не было. Просто написал ворох песен, и я сидел спокойно, ждал, пока сложатся обстоятельства для записи. Как-то спел их одному давнему приятелю, русскому художнику Диме Стрижову, живущему в Америке. Ему так понравилось, что им овладело благородное безумие: пожертвовав всем, записать пластинку в Штатах. Я долго отнекивался, но в итоге согласился.

— То есть коммерцией здесь и не пахло...

— Ноль.

— Сколько времени ушло на запись?

— Собственно запись — три с половиной дня. И шесть недель работы до и после.

— К ней вы привлекли великодушных музыкантов из американской группы “Бэнд”, которые играли вместе с Бобом Диланом...

— Самое забавное заключается в том, что это не я их привлек, а они меня. Раньше мы не были знакомы. Конечно, знал об их существовании. Они, наверное, слышали обо мне. Без моего ве-

дома им отправили “демонстрационки” — то, что один напел под гитару. Тем временем я нашел совершенно других музыкантов и, когда от “Бонд” пришло предложение записать “Лилит” вместе с ними, то отказался. Почему? Ну представьте, вам привезли потрясающий, фантастический роля, а вы на нем играть не умеете... Та же история с “Бэндом”. Это было для меня слишком роскошно. Они перезвонили — не мне, а по цепочке людей. Второй раз отказался — простите, мол, ребята, не хотелось вас обижать, но нашел других музыкантов. Позвонили в третий раз, сказали: может быть, все-таки... Как пел Пол Саймон! Ну что ж, дуть против ветра? Записали — и это теперь одно из самых великодушных воспоминаний моей жизни.

— Что и говорить, они профессионалы высокого класса.

— Дело не только в этом. Профессионалов много. Даже в России есть профессионалы. Но настоящих музыкантов очень мало. Людей, которые добились в музыке межзвездных высот. Виолончелистов много, а Ростропович — один. Вот и Гарт Хадсон, лидер “Бэнд”, тоже один. Мне очень повезло, что появилась возможность с ним сыграть.

— Под каким настроением писался альбом? Наверное,

каждая пластинка — какой-то период жизни...

— На этот вопрос на самом деле нет ответа. От предыдущих он отличается лишь одним. Тем, что “Аквариум” всегда играл музыку, а песни были почвой, на которой эта музыка произрастала. В данном случае был набор песен, которые я могу петь и один. Музыка занимает второе, неглавное место. “Лилит” не предполагал моего обычного мышления, поэтому я и ухватился за идею записи в Америке, что было для меня большим вызовом. Как работают в Англии, во Франции, я знаю. Но не в Штатах. Сложилась ситуация для очередной авантюры. Работая, не отдавал себе отчета — интересно это или нет. Было не до этого. В результате получился оптимальный вариант, когда и песни слышны, и “Бэнд” играет гениально.

— Вам раньше приходилось играть с иностранными музыкантами?

— Из известных назову Дейва Меттокса, который переиграл во множестве групп, от “Феапорт конвеншн” до Пола Маккартни, Мика Тейлора из “Роллинг стоунз”, Рея Купера, Дейва Спурта.

— Итак, это ваша первая пластинка вне “Аквариума”...

— Да, первый альбом, на обложке которого значится Борис Гребенщиков, а не “Аквариум”. Каждый диск — как одиночное плавание. Сидишь в лодку и

плывешь. Куда — неизвестно. Приключение. Сравнить же приключение невозможно. Они разные. Вроде как у Тура Хейердала...

— То, что “Аквариум” в прежнем виде прекратил существовать, наверное, естественный процесс?

— “Аквариум” означает, с моей точки зрения, тем, что на протяжении многих лет ухитрялся делать вещи, не напоминающие одна другую. В этом его ценность. Будет ли следующий диск “Аквариума” или Гребенщикова — не знаю. Для меня это жестко отличающиеся друг от друга вещи. Я могу один писать песни и петь их. “Аквариум” же — иная, не вполне понятная мне самому величина. Если ставишь его название, то все начинает работать по-другому. Здесь другой механизм, другие ангелы-хранители. В одном случае я контролирую происходящее, в другом — нет.

Фото Вячеслава ПРОКОФЬЕВА

— Отношения поддерживаются с ребятами?

— По мере сил. Я честно сказал, что ухожу надолго. Но “Аквариум” отнюдь не похоронен. Он, как кошка, ждет в засаде, а я, как мышка, бегаю и думаю, что все вижу и все знаю. На самом деле это не так. Затылком чувствую взгляд кошки. “Аквариум” на меня смотрит, и я жду, когда с ним произойдет что-то новое и интересное.

— Как вам видится музыкальный мир России? В свое время, когда вы начинали, на рок-музыке была печать запретного плода. Сейчас вроде бы играй что хочешь, а вот чего-то по-настоящему интересного не видно...

— У меня долго были детские розовые мечты, что Россия когда-нибудь сомкнется со всем остальным миром современной музыки и мы перестанем оставаться на втором плане. Пока я не понял, — к сожалению, не так давно, — что русским рок-музыкантам не хочется быть на первых ролях. Им обязательно нужны манки, на которых следует равняться. Будь то “Битлз”, “Оазис” или кто-то еще. Чтобы кто-то по этой дорожке прошел. И тогда мы спокойно пойдем сзади по следам. Ростовский “Оазис”, таганрогский “Битлз”. Девушки любят, деньги платят — и хорошо...

Хотя есть и Бутусов, теперь отдельно выступающий Кормильцев, и Юра Шевчук, и очень неплохая группа “Сплин”. Но все работают с оглядкой на Россию. Много талантливых людей, но никто не хочет быть гением.

— То, что несется из радиоприемников, вызывает порой, мягко говоря, недоумение.

— После шести-семи лет “непонятки” мы опять пришли к зна-

комой ситуации. Есть строгая цензура, есть те, кто заказывает музыку. Потому что они платят. Раньше заказывали те, кто был в худсоветах, и музыка была очень мила, но строго ограничена этим уровнем. Теперь этот уровень стал еще ниже. В “денежных” худсоветах сидят люди, которые на музыку просто не сориентированы. В конце концов Бог с ней, с музыкой. Песни, то, что все слушают постоянно, становятся технически сработанными — компьютеры-то у всех одинаковые. Но, к сожалению, за ними совсем ничего не стоит. Когда же мы будем делать то, с чем полагается прийти на Страшный Суд? Вот это в России не принято.

— Популярная музыка в России поставлена на индустриальную основу, стала способом зарабатывать деньги.

— Это очевидно. Музыка ради денег — уже не искусство. Оно принципиально иное и делается вопреки деньгам, в другой плоскости. Почему-то африканцы в Заире могут себе позволить играть свое и без оглядки, а мы не можем. Почему-то китайцы занимаются авангардом, а мы нет. Раньше существовал железный занавес и можно было говорить, что “нас не пускают”. Он исчез, однако не видно, чтобы гениальности прибавилось. По-прежнему все остаются известными лишь на своей кухне.

— Какие времена, такие и песни...

— Музыка — это термометр. По ней можно судить о том, что происходит в обществе. Если в России сейчас популярно то, что мы слышим, то это говорит о том, как мы живем. И, наверное, нельзя сказать, что живем мы хорошо.

— Как расходуется “Лилит”?

— Сейчас у нас закон строгий. До тех пор, пока диск не подхватят пираты, все продается успешно. Потом — очень мало. Ведь 95 процентов музыки в России — пиратские. В сумме же все замечательно. То есть мы добились своего — нас везде слушают.

Вячеслав ПРОКОФЬЕВ, соб.корр. “Труда”.

ПАРИЖ.